Встреча с богиней Клишей

В бесконечной тьме, сознание Вана начало мутнеть. Все воспоминания разложились на частички и рисовали причудливые узоры, словно стекла в калейдоскопе. Он снова и снова переживал момент своей смерти, каждый эксперимент, когда-либо проведенный над ним. Все мысли, боль, эмоции и агония, запертые в его разуме, вдруг нападают на него. Он начинает «кричать» голосом, которого не существует, в тот момент, когда фантомная боль пульсирует по всему его несуществующему телу, угрожая лишить его существования.

«Это больно»

Ключевые события начинают обретать менее размытые очертания в его уме, калейдоскоп сфокусирован на них. Он помнит время, когда врачи ампутировали ему ноги, чтобы он не двигался самостоятельно. Он помнит группу ученых, которые пытались проверить его «регенеративные» свойства, разрезая и сжигая сегменты его кожи. Он помнит то время, когда пытался покончить жизнь самоубийством, только для того, чтобы получит хоть какое-то подобие свободы за свои усилия.

«Я этого не заслуживаю. Никто не заслуживает такой боли».

События все еще продолжали циклически повторяться в его сознании, так, как будто тот, кто крутил этот калейдоскоп не собирался останавливаться. Однако по краям узоры становились все более размытыми. Боль, которая теперь охватывала все его существо, начинала притупляться. Это разум искал отсрочки в забвении.

«Почему я должен так страдать...это несправедливо».

Калейдоскоп теперь начинает фрагментировать, разбивая воспоминания на сегментарные изображения, которые, похоже, существуют за пределами периферии фокуса Вана. Не наблюдая непосредственно за каждым фрагментом, он может позволить боли прекратиться.

«Мне не следовало рождаться...»

Ван позволил своему разуму отвлечься от изображений в калейдоскопе. Он начал заглядывать в наступающую темноту. Она вызывала в его душе какой-то первобытный страх.

«Я даже не должен был существовать...какой смысл имела моя жизнь? Быть использованным в качестве инструмента во благо другим...Ненавижу их. ОНИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПОСТРАДАТЬ, НЕ Я».

Весь калейдоскоп фрагментировался дальше, оставляя лишь несколько остаточных изображений, плавающих в темноте. Ван продолжает смотреть в бездну, все больше погружаясь во вселенскую тоску, чтобы противостоять страху. Он отказывался смотреть на образы, которые только и делали, что причиняли ему боль. Изображения потихоньку начинали угасать, а вместе с ним и сам Ван.

«..Я просто....хотел....быть свободным...»

Теперь только одно изображение виднеется в темноте. Ван инстинктивно знал, что если изображение исчезнет, все, что когда-либо определяло, кто он был, само его существование, исчезнет в небытие.

«Наконец-то, мне больше не придется страдать...»

Он закрывает то, что представлялось Вану его «глазами» и ждет грядущего забвения. Он не чувствует никакой удовлетворенности, только торжественность, куда более великую, чем та, которой должен обладать четырнадцатилетний ребенок.

После ожидания в течение неопределенного количества времени, в душе Вана все же нарастало беспокойство. Он чувствовал, как будто он долго ждал, но независимо от того, сколько времени проходит, он не может перестать быть. В темноте все еще остается один образ, последний определяющий момент всей его жизни. Последний оплот боли, определивший само его существование. Наконец поддавшись беспокойству внутри, Ван, сцепив зубы, смотрит на последний образ, как будто признает свою боль в последний раз.

К его удивлению, он видит сцену, незнакомую ему. Что-то за пределами его памяти. Нет чувства боли, только тоска и чувство потери. Он безучастно смотрит в образ, где женщина в слезах укачивает младенца на руках. Все остальное в сцене размыто, но образ женщины остается совершенно ярким в его сознании. Он чувствует привязанность к этой женщине, и это чувство отличное от всех других, что он когда-либо испытывал. Душа Вана, кажется, закричала, в тот момент, когда чувство тоски начало переполнять его.

«Я буду любить тебя несмотря ни на что…Ван»

Внезапно тьма рассеялась, и плачущий ребенок оказался лежащим на земле. Он рыдал в бесконечном белом пространстве. Ван теперь пристально смотрел лишь на изображение, где женщина мягко улыбается, потирая лицо. Он наблюдал, как сила в её теле подводит её, и нежный знак любви прекращается, когда её рука опускается. Он закричал так, словно находиться внутри самого воплощения страданий и потерь. Он признал эту женщину, которую он никогда не встречал, как свою мать, первого и последнего человека, который действительно любил его. Он смотрел на изображение, которое теперь приковывало все его внимание, поскольку и оно начало размываться по краям. Он кричал и вопил неистово желая, чтобы этот образ никуда не исчез.

«Мама…Мама, пожалуйста, не уходи! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ.»

Он наблюдал, как изображение начинает исчезать. Ван протягивал руку, но был не в состоянии ухватиться за его, пока, наконец, и этот образ не исчез в небытие.

Пустота гораздо глубже, чем черная бездна, которую он ранее наблюдал, оседает в нем. Хотя изображение в калейдоскопе исчезло, он категорически отказывался позволить «памяти» покинуть его разум. Он сидел в огромном белом пространстве, слезы капали с его лица, и тихий крик вырывался из его горла. Образ матери, с которой у него никогда не было возможности быть, остался тем единственным, что удерживает его в существовании.

(Ты бедное дитя.)

Голос звучит в огромной пустоте. Наблюдая сверху за молодым истощенным мальчиком, он начинает спускаться на него.

(Ты испытал страдания гораздо большие, чем обычная душа. Пожалуйста, позволь мне помочь тебе.)

Мальчик сидел неподвижно, глядя в пустоту. Слезы, высохнув, высекают глубокие рвы на его коже. Голос, который так долго кричал от боли, теперь давно забытое воспоминание.

(Пожалуйста, дитя. Ты сидишь в этом пространстве уже три года. Пожалуйста, позволь мне

помочь тебе. Я не могу видеть, как ты страдаешь.)

Голос вздохнул, не в силах даже шелохнуть мальчика, который заслужил его внимание. Он начал размышлять над своими предыдущими действиями, не зная, было ли правильным выбором, положить конец карме ребенка, результатом чего стала его смерть. Но мальчик так долго взывал к ним, что голос пришел к выводу, что это решение все-таки было верным. Он не ожидал, что в то время когда ребенок наблюдал "калейдоскопическое колесо кармы", его душа будет на грани растворения. Чтобы предотвратить отход его души в небытие, голос создал корень, чтобы привязать душу ребенка к его последней памяти в надежде спасти ситуацию. Однако голос осознал, что видимо зря заставил ребенка крепко привязаться к памяти даже после её исчезновения. Теперь ребенок сидит, не желая двигаться вперед, тем самым не позволяя и голосу покинуть это пространство.

(...Ее звали Адрианна, твоя мать.)

Впервые, ребенок шевельнулся.

(Она знала, что ты знаешь, что твое рождение не могло не сопутствоваться осложнениями.)

Ребенок стал медленно поворачиваться к голосу, как будто каждое сказанное им слово оказывало магнетическое воздействие на его душу.

(Видишь ли, она была очень больна. После того, как она забеременела, врачи и ее семья уговорила ее сделать аборт. Они боялись, что сама беременность будет слишком трудной, и даже если она выносит тебя, это, вероятно, приведет к ее смерти.)

Теперь ребенок неподвижно смотрел на источник голоса. Перед ним стояла очень красивая женщина. Однако точно черты её лица было различить достаточно трудно. Она имела короткие волосы, которые по виду напоминали серебристую жидкость, преломляющую свет. Смотреть прямо на её лицо было почти невозможно, оно постоянно менялось. Ровно так, как и вся она. Одновременно женщина казалась высокой и низкой, толстой и худой, и одежда, которая ее украшала будто бы, сливалась с тем, что должно было быть её телом. Складывалось такое впечатление, что само тело состоит из перьев и пыли.

(Несмотря на то, что все говорили ей, она была полна решимости родить тебя. Её наполняла уверенность в том, что каждый ребенок заслуживает такую возможность, и она была готова принести в жертву собственную жизнь только для того, что бы ты получил этот шанс.)

Ребенок, казалось, нарисовал слезы от ранее истекшего источника, когда он слушал слова женщины?

(Она по-настоящему любила тебя. Даже если ты жил жизнью страданий, ты придал смысл своей жертве. Я не могу просить тебя быть ей благодарным, но я молюсь, чтобы ты понял, что твоя жизнь имеет смысл. Ты был рожден не ради удобства других людей, но из-за подлинного выражения любви и желания.)

Ребенок уставился на женщину, когда она закончила речь, наблюдая, он ожидал продолжения. Через какое-то время он, казалось, понял ее. Он хотел, что бы она продолжала говорить. Мальчик опустил голову, вытирая глаза в первый раз с момента его прибытия заговорил.

«Кто ты?» — спросил мальчик.

Женщина, нежно улыбнувшись, заглянула мальчику в лицо.

(Я Клиша, Богиня Снов).

http://erolate.com/book/463/5196